

Валентин Верешков

**Тень
истории**

18+

Валентин Верешков

Тень истории

<https://litres.ru/74446724>

SelfPub; 2026

Аннотация

В мистической мастерской, где хранятся остановившиеся часы каждой эпохи, Часовщик вызывает тени семи правителей России. Иван Грозный, Пётр Великий, Ленин, Сталин, Горбачёв, Николай II — они должны сыграть в шахматы, где каждая фигура — это народ, а каждый ход стирает или сохраняет историю. Они спорят о жестокости и милосердии, произносят исповеди, полные боли и веры в Россию. Но в финале они обращаются не друг к другу — они обращаются к народу. И задают вопрос, который остаётся без ответа: «А ты бы смог лучше?»

Роман Валентина Верешкова «Тень истории» — это историческая метафизика, где реальные события прошлого оживают через магию времени и психологическую глубину. Роман для тех, кто ищет не лёгкого чтения, а серьёзного разговора об истории, власти и цене величия.

Содержание

Часть 1. Часовщик	4
Часть 2. Царь-Скорпион	13
Часть 3. Урожай	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Тень истории

Часть 1. Часовщик

В затерянном измерении, где реальность струится сквозь пальцы, как песок сквозь узкое горлышко древних часов, стояла мастерская Часовщика.

Она была бесконечной, как сама история.

Под сводами, сотканными из теней и забытых времён, тянулись бесконечные стеллажи, уставленные часами – сло-манными, потрёпанными, застывшими в последнем вздохе. **Здесь лежали песочные часы, чьи стеклянные пузатые бока украшали гербы Рюриковичей, медные циферблаты с серпом и молотом, цифровые панели с холодным свечением кремлёвских курантов.** Каждая – осколок эпохи, каждый – остановившийся миг, который Часовщик должен был вернуть на круги своя.

Но сейчас его внимание приковывали **Главные Часы.**

Они возвышались в центре мастерской, исполинский механизм с семью циферблатами, чьи стрелки замерли в вечном ожидании. Их позолота потускнела, шестерёнки, обычно жужжащие тихой песней времени, замолчали. Лишь пыль, оседая на гравировках, напоминала: часы остановились не просто так.

Его циферблаты, украшенные римскими цифрами, замер-

ли в роковых моментах истории. Часовщик, сгорбившись над механизмом, провёл длинными пальцами по потускневшей позолоте, и стрелки дрогнули, пробуждая призраки былого.

MDLXXXIV

Стрелка, скользя к цифре, замерла на последнем вздохе Грозного царя. Воздух наполнился запахом лечебных трав и смертного пота. В тенях закачался тяжёлый балдахин кровати, где судорожно сжимал посох исхудавший владыка. Его взгляд, полный безумия и прозрений, уставился в пустоту - туда, где уже **кружили вороньём бояре, готовые разорвать державу.**

MDCCXXV

Следующая стрелка, дойдя до отметки, вызвала солёный бриз с Невы. В полумраке замаячил образ великана на смертном одре, чья рука беспомощно водила пером по бумаге. Чернила растекались кровавыми пятнами - завещание не складывалось в слова. За окнами слышался плеск волн о **новую столицу, которая теперь оставалась сиротой.**

MCMXVII

Третий циферблат задрожал от пушечного гула. В мастерскую ворвались отзвуки **холостого залпа «Авроры»**, смешавшиеся с топотом по мраморным лестницам Зимнего. Чьи-то торопливые шаги, звяканье шпор, шёпот: *«Председатель бежал... Временное Правительство пало...»* - и треск горящих документов Тайной канцелярии.

МСМХVІІІ

Четвёртая стрелка окунула пространство в подвальной сырость Ипатьевского дома. Запах извести, махорочного дыма и чего-то медного. Чёткая команда на непонятном языке. Вспышки выстрелов, осветившие на мгновение бледные лица с широко раскрытыми глазами. **Звон разбитых диадем на каменном полу.**

МСМLІІІ

Пятый циферблат наполнил воздух тяжёлым запахом лекарств и страха. В бункерной тишине слышалось прерывистое дыхание, а за стенами - **осторожный шёпот приближённых, уже деливших портфели.** Где-то скрипело перо, выводящее новые списки. Трубка выпала из ослабевших пальцев, рассыпая пепел на генеральский мундир.

МСМХSІ

Последняя стрелка застыла на моменте, когда трёхцветный флаг ещё не подняли, но красный уже скользил вниз по флагштоку. Гул толпы на площади смешался с треском ломающихся структур. Где-то в кабинетах пустые сейфы распахивались настежь, а по телевизору говорили о «**Цивилизованном разводе**». Страна рассыпалась, как песок сквозь пальцы.

Седьмой циферблат.

Он был иным. Не из бронзы, не из серебра — будто выкован из самого времени, мерцающего и невесомого. Его стрелки не дрожали от пушечных залпов, не вздрагивали от шё-

пота заговорщиков. Они просто стояли.

Надпись по кругу содержала лишь один знак — .

Говорили, что этот циферблат отсчитывает **время, которого нет**. Тот миг, когда история застывает, когда все возможные будущие — сходятся в одной точке. Возможно, он ждёт конца света. Или его начала.

Но пока — седьмой циферблат молчал. Безмолвный страж вечности в сердце исполинского механизма.

Часовщик отстранился, и тени мгновенно исчезли. Лишь тихий скрип шестерёнок нарушал тишину.

«Слишком много остановок,» - прошептал он, разглядывая свои масляные пальцы. - *«Слишком много неверных поворотов.»*

Из темноты за его спиной послышался лязг металла. На старом дубовом столе сама собой раскрылась шахматная доска. Вместо фигур стояли крошечные солдатики в форме разных эпох.

Часовщик вздохнул.

— *Опять...* — его голос звучал, как скрип несмазанных шестерён. — *Опять они останавливаются в эти моменты.*

Он знал: это не случайность.

Где-то в тканях реальности что-то пошло не так. И теперь ему предстояло не просто починить часы – а заглянуть в сами эти мгновения, туда, где решались судьбы огромной страны.

Где они – те, кто стоял у руля – принимали решения,

которые остановили время.

Часовщик взял в руки ключ – древний, покрытый символами, которых не знал ни один язык мира.

— *Пора начинать,* — прошептал он.

И повернул ключ в замке вечности.

Мастерская погрузилась в тяжёлое молчание, нарушаемое лишь тихим скрипом остановившихся шестерён. Часовщик стоял перед Главными Часами, его пальцы, испачканные машинным маслом, сжимали тонкий часовой ключ. Он уже пытался завести механизм, подкручивал оси, выравнивал стрелки – но циферблаты оставались мёртвыми.

— *Опять...* — его голос прозвучал глухо, будто доносился из глубины веков. — *Они не могут договориться даже в смерти.*

Тень капюшона скрывала его лицо, но в ней мерцали два бледных огонька – как отблески далёких звёзд в ночи истории. Он отбросил ключ в сторону, и тот с глухим звоном закатился под грудку старых часовых механизмов.

Пора было искать другой путь.

Часовщик медленно подошёл к массивному сундуку, стоявшему в углу мастерской. Его дерево было тёмным, словно пропиталось копотью бессчётных пожаров, а железные оковы – ржавыми, будто от крови. На крышке красовалась гравировка – **сплетение времён, где лица правителей смешивались с тенями их деяний.**

Он приподнял тяжёлую крышку.

Из сундука хлынул ледяной ветер, пахнувший порохом, морем, дымом костров и чернилами указов. Тени, дремавшие внутри, зашевелились.

— *Встаньте*, — прошептал Часовщик.

И они поднялись.

Скорпион.

Он вышел первым – в доспехах, покрытых тёмным ядом, с окровавленным скипетром в руке. Его борода, спутанная и седая, шевелилась, будто живая, а глаза горели лихорадочным блеском. За ним тянулся шлейф теней – опричники с псами на шевронах, шепчущие доносы.

— *Кто смеет тревожить царя?* — его голос был хриплым, словно проржавевший колокол.

Кузнец.

Огромный, широкоплечий, с молотом в одной руке и корабельным канатом в другой. Его лицо, обветренное балтийскими штормами, было изрезано морщинами – следами бессонных ночей над чертежами новой России. Запахло смолой, железом и солёным ветром.

— *Часы стоят?* — проворчал он. — *Так дайте мне размах – я их расколю и выкую новые!*

Пророк.

Тщедушный, в потрёпанном пиджаке, с тлеющей газетой в руках. Книга под его мышкой была испещрена не буквами, а кровавыми отпечатками пальцев. Его взгляд – острый, неумолимый – будто просверливал время насквозь.

— *История не ждёт,* — произнёс он отрывисто. — *Если механизм сломался — значит, он был прогнившим.*

Жнец.

Тень в сером мундире, с вечной трубкой в зубах. Из её чаши сыпался пепел — обугленные страницы приговоров, письма, которые так и не дошли до адресатов. Его движения были медленными, точными, а глаза — холодными, как лезвие гильотины.

— *Механизм... требует смазки,* — сказал он, и в голосе его слышалось шипение раскалённого железа.

Сфинкс.

Высокий, с печатью усталости на лице. В его руках — разбитый серп и молот, осколки которых медленно рассыпались в песок. Он молчал, но в его глазах читался вопрос, на который не было ответа.

Странник.

Последним поднялся он — в потрёпанном мундире, с пулей, застрявшей в ладони, как стигматы. Его взгляд был кротким, почти недоумевающим.

— *Я... не понимаю,* — тихо сказал он. — *Почему всё так вышло?*

Тени столпились вокруг Часовщика, окутывая его холодом своих эпох.

— *Вы знаете, зачем я вас вызвал,* — сказал он. — *Главные Часы снова остановились. История замерла на ваших решениях.*

— *Так кто же из нас виноват?* — прошипел Скорпион.

— *Все,* — ответил Часовщик. — *И никто.*

Он повернулся к часам.

— *Но теперь вам предстоит сделать выбор снова.*

И стрелки дрогнули.

Тени замерли. Воздух в мастерской сгустился, словно перед грозой, пропитанный запахом железа, пороха и старой бумаги. Главные Часы молчали, но теперь их циферблаты отражали не застывшие даты, а лица тех, кто стоял перед ними.

— *Время,* — произнес Часовщик, и его голос прозвучал как удар колокола. — *Вы должны действовать.*

Он провел рукой над механизмом, и стрелки дрогнули, будто вздрогнув от прикосновения.

— *Вам нужно принять правильные решения. В противном случае... вы должны их исправить.*

— *Как?* — прошипел Скорпион, сжимая скипетр так, что по его костяшкам проступила черная кровь.

Часовщик не ответил. Вместо этого он указал **шахматную доску**.

Но это были не просто шахматы.

Вместо фигур на клетках стояли **крошечные люди** – бояре в парчовых кафтанах, крестьяне с загорелыми руками, солдаты в изодранных мундирах, рабочие с закопченными лицами. Они не двигались, но в их глазах стоял немой вопрос.

— *Правила просты,* — сказал Часовщик.

Каждый ход – это ваше решение из прошлого.

Каждая жертва – это последствие.

Если проиграете – история рассудит вас сама.

Жнец медленно протянул руку, коснулся одной из пешек – и та **рассыпалась в прах**, оставив после себя лишь мелкие кости.

— Кто делает первый ход?

Тени переглянулись.

— Я, — проскрежетал Скорпион и шагнул к доске.

Его пальцы сомкнулись вокруг фигуры **боярина**.

— Так было... и так будет.

И он **сбросил ее с доски**.

Где-то в глубине времени раздался **крик**.

Ход был сделан.

Часть 2. Царь-Скорпион

Тени жили своей жизнью в дворце, цепляясь за стены дрожащим светом сальных свечей. Их неровное пламя вырисовывало на потрескавшейся штукатурке зубчатые силуэты - то ли причудливые узоры, то ли крюки для пыток, оставшиеся от дневных допросов. Малейший ветерок заставлял огонь вздрагивать, и тогда по комнате пробегали искажённые тени, будто **души** казнённых шевелились в углах, не находя покоя.

В углу пылала жаровня с раскалёнными углями, их кроваво-красное сияние отражалось в позолоченных окладах икон, превращая лики святых в гримасничающие маски. Там, где свет встречался с тьмой, воздух колыхался, словно нагретый над адской бездной, наполняя помещение тревожным маревом.

Едкий запах жжёной кожи прилипал к нёбу - едкий, въедливый, знакомый до боли. Это был не просто дым - **это была память**. Память о том, что происходило сегодня в подземье. Горький ладан из медного кадила пытался заглушить смрад, но лишь создавал ядовитую смесь - святость и грех, молитва и пытка, слившиеся воедино. А над всем этим витал металлический привкус крови - то ли от брызг на полу, то ли от его собственных губ, прикушенных в ярости.

Дворец стонал под тяжестью происходящего. Половицы скрипели при каждом шаге, а эхо разносилось по пустым ко-

ридорам, будто снизу, из-под пола, доносился шёпот неупокоенных душ.

Где-то вдалеке выл пёс - или может быть, это кричал человек?

Ветер гудел в печных трубах, но он-то знал - это был не просто ветер.

В углу мерно тикали старинные чугунные часы с потускневшим циферблатом, их механический стук напоминал неровное биение сердца - отсчитывающего последние минуты до неизбежного **приказа**.

Это была не просто ночь. Это был тот час, когда стиралась грань между реальностью и безумием.

Воздух висел тяжёлым грузом, словно влажная рука на горле. Тишина натягивалась, как тетива лука перед роковым выстрелом.

И сквозь всё это - мучительное ожидание.

Чего он ждал?

Ответа от Бога?

Покаяния?

Или просто ещё одного повода, чтобы пролить кровь?

В полумраке дворца, среди дрожащих теней от сальных свечей, **Скорпион** казался ожившим кошмаром - бледное, измождённое лицо с лихорадочным блеском в глазах, тонкие губы, обветренные от бесконечных шёпотов молитв и проклятий. Его чёрный кафтан с серебряными пулавками-скорпионами шуршал при каждом движении, а массивный на-

персный крест царапал кожу, оставляя красные полосы, которых он не замечал.

Руки его дрожали - не от страха, а от сдерживаемой ярости, словно внутри бушевал ураган, готовый вырваться наружу. Когда он медленно подходил к зеркалу, пальцы судорожно сжимали резной посох, оставляя **новые царапины** рядом с десятками других - немymi свидетелями прошлых вспышек гнева.

Этот человек был воплощением противоречий.

Он сочинял **духовные гимны и приказывал пытатель детей.**

Искал любви и убивал тех, кто мог его любить.

Боялся предательства, но своими руками создавал предателей.

Его разум, некогда острый как клинок, теперь был изрезан трещинами безумия. Он всё ещё цитировал Писание наизусть, но уже слышал голоса в пустых покоях - то ли Бога, то ли тех, кого отправил на плаху.

Детство отняли у него бояре - в восемь лет он видел, как они топтали его мать. В тринадцать отдал первый смертный приказ. А потом была Она – Голубка, единственная, чьи руки могли унять дрожь. **Но и её отравили,** он в этом не сомневался.

Был ещё Орлёнок. Но не уберег любимого сына, **отправил в могилу в припадке безумия.**

Теперь он правил, окружив себя людьми вроде **Паука** -

своего **главного палача**, которого ненавидел, но держал ближе всех.

Перед важными решениями он подолгу стоял перед **Зеркалом**, где вместо своего отражения видел тени казнённых. Иногда среди них мелькал образ мальчика - того самого, что когда-то боялся темноты.

Посох с набалдашником в виде скорпиона стал **продолжением его руки**. Он гладил его, размышляя, и бил в гнев. Шептал молитвы перед казнями, словно прося прощения у Бога за то, что ещё не совершил. А по ночам кричал во сне, где сам оказывался на плахе.

Он не был монстром. Он был сломанным человеком, который слишком хорошо понимал, что сломан. **И в этом заключалась самая страшная правда о власти.**

Массивный дубовый стол, почерневший от времени, стоял в центре комнаты, будто алтарь в храме неправедных дел. Его поверхность была усеяна **следами** - царапинами от ножей, пятнами воска и темными кольцами от бесчисленных кубков. Но главное, что приковывало взгляд - развернутая **карта Нового Града**, испещренная десятками черных булавок. Каждая булавка вонзалась в пергамент, словно гвоздь в крышку гроба, отмечая дома и улицы, где, по его мнению, гнездилась измена. Некоторые булавки были соединены красными шелковыми нитями, образуя паутину заговора, существовавшего, возможно, лишь в его воспаленном воображении.

Рядом с картой лежал пергамент — **«Об искоренении крамолы в земле Ново Градской...»** - документ, чьи края теперь неровно дрожали от сквозняка. Над его строками время словно застыло:

«А которые люди... государству изменили, и тем быти казненным смертию, а животы их истаеваны в нашу казну...»

Жёсткие буквы, выведенные дьячьею рукой, казались **выжженными** на пожелтевшей коже. Это был не просто указ — **это закон, ставший проклятием.**

Скорпион медленно провёл пальцем по тексту. **Кровь** с его разбитых костяшек растеклась по словам *«казненным смертию»*, превращая буквы в **багровые ручьи.**

В этот момент — **удар в окно.**

Ворон, чёрный, как сама ночь, бился о слюду, будто пытался **предупредить**. Его крик, похожий на **хрип умирающего**, прорезал тишину.

Но Скорпион **не повернул головы.**

Его взгляд был прикован к последней строке, где его **кровь** заползла на подпись:

«Скорпион, царь всея державы»

Теперь подпись казалась **написанной не чернилами, а кровью новгородцев.**

А за окном **ворон замолчал** — либо улетел, либо **сломал шею** о железную решётку.

На стене прямо перед столом висела **икона Страшного**

Суда, ее темный лик едва различим в мерцающем свете. Но стоило задержать взгляд, как становилось заметно - **глаза святых**, написанные с особым мастерством, казалось, следили за каждым движением Скорпиона.

Их взгляд не был **ни осуждающим, ни сострадающим** - лишь холодно констатировал происходящее, как бы говоря: *«Мы видим. Мы запомним.»*

У подножия стены, там, где камень встречался с деревянным полом, темнело **нечеткое пятно**. За годы оно впиталось в пористую поверхность, превратившись в часть дворца.

Вино ли это пролилось во время пиршества?

Или кровь, брызнувшая при допросе?

А может, и то, и другое, смешавшееся в единое напоминание о том, что в этих стенах грань между празднеством и казнью всегда была призрачно тонка.

Весь этот интерьер – карта заговоров, порванный указ, пристальный взгляд икон и темное пятно на стене – создавал **атмосферу нарастающего безумия**.

Каждая деталь словно шептала: *«Ты уже принял решение. Осталось лишь произнести его вслух.»*

А за окном, в черной новоградской ночи, уже слышался отдаленный топот коней - первые гонцы готовились к выезду, еще не зная, какие вести им предстоит нести.

Тишина. Не та, что бывает перед рассветом — густая, зве-

нящая, будто само время замерло в ожидании. Он стоит в опочивальне, но всё не так: **стены дышат**, обои шевелятся, как кожа живого существа, а воздух пахнет **застоявшейся водой** и **увядшими лилиями**.

И тогда — **смех**.

Тонкий, серебристый, знакомый до боли.

Голубка сидит на их брачном ложе, но постель теперь **гнилая**, покрытая плесенью, а её платье — то самое, в котором хоронили, — **истлевшее**, сквозь дыры проглядывает синеватая кожа.

— *Скорпион...* — шепчет она, и ее голос будто доносится из-под земли, сквозь толщу гробовой доски.

Он тянется к ней, но пальцы проходят **сквозь** — она холодная, как зимний ветер в лицо.

— *Ты ошибся,* — говорит она, и из ее рта выпадает **червь**, извивающийся на полу. — *Не тех казнил.*

Он хочет закричать, но во рту — **мёртвые мухи**, они шевелятся, застревают в горле.

Голубка встаёт, и её **ноги не касаются пола**. Она плывёт к нему, оставляя за собой **шлейф из чёрных лепестков**.

— *Ты думаешь, они тебя боятся?* — шепчет она, касаясь его щеки. Пальцы **холодные**, как январский ветер. — *Они смеются. За твоей спиной. Всегда.*

За её плечом **зеркало** — в нём отражаются бояре, но их лица **стёрты**, будто кто-то провёл по ним окровавленной рукой.

— *Убей их*, — говорит Голубка, и её губы **не двигаются**. Голос звучит у него в голове, как колокольный звон. — *Убей, пока они не убили тебя*.

Он тянется к ней, но **она рассыпается** — в прах, в пепел, в ничто.

Остаётся только **её смех**, висящий в воздухе.

И последний шёпот:

— *Ты уже мёртв, Скорпион. Просто ещё не лёг в землю*.

Он просыпается.

На губах — **вкус крови**, прикусил во сне. В ушах — **эхо её голоса**.

А на подушке — **три черных жука**, медленно ползущих прочь. Его руки были в **алых подтёках** - хотя он никого не убивал.

Скорпион сел, сжимая кубок с недопитым вином, когда его пальцы сами нашли на посохе ту самую **трещину** — тонкую, как судьба, глубокую, как раскаяние.

Он вспомнил **Тот самый жаркий день**.

В дворце **пахло** медвяными свечами и **чем-то кислым** — потом, страхом, гниющими яблоками.

Орлёнок стоит перед ним — **живой**, прекрасный, с глазами матери и его собственным упрямым подбородком.

— *Отец, Новый Град не виновен!* — голос сына звенит, как клинок о щит.

И где-то **за спиной** — плач.

Тонкий, женский. **Голубка**.

Её нет в зале, но он **слышит** – будто стены шепчут её голосом:

«Скорпион... остановись...»

Но он уже **не владеет собой**.

Посох **взлетает – хруст – удар!**

Орлёнок **падает** на колени. Кровь **бьёт** из виска, **заливает** ковёр.

– *Па...па...* – пузырится на его губах.

И тут **Скорпион видит Паука** – тот стоит в дверях, **не дыша**, с лицом, застывшим между **ужасом и восторгом**.

Он **вздрагивает**.

Напротив – **лужа**. Мутная, с **чёрными разводами** – то ли дождевая вода, то ли...

Он **наклоняется** – **палец касается жидкости** – она **краснеет**.

– *Ты пролил не только мою кровь, отец.*

Голос **Орлёнка** звучит **со всех сторон**. На стене – **кровавый отпечаток** маленькой ладони.

Он всегда будет помнить **Тот самый день....**

Факелы, замутненные дымом, отбрасывали неровные тени на каменные стены. Скорпион восседал на троне, Паук стоял в почтительном отдалении, слегка склонив голову, но не спину. Его чёрный кафтан сливался с полумраком, лишь серебряная пряжка на поясе временами ловила отблески огня.

— *Новый Град...* — начал Скорпион, и слово повисло в воздухе, тяжёлое, как **приговор**. — *Говоришь, шепчутся?*

Паук сделал едва заметную паузу. Его голос, когда он ответил, был ровным, как лезвие:

— *Шепчут, государь. Как мыши в стенах.*

Левый глаз его дёрнулся — единственная уступка напряжению.

Скорпион внезапно сжал посох так, что костяшки побелели.

— *Мыши?* — переспросил он. — *Или... змеи?*

Взгляд его, острый и нездорово блестящий, впился в Паука, выискивая слабинку.

Тот слегка наклонил голову, но не отвёл глаз. — *Змеи, государь. С ядом на языках.*

Его пальцы непроизвольно коснулись **рукояти ножа** — привычка, которую он так и не смог искоренить.

Скорпион резко поднялся, посох грохнул о плиты, эхо прокатилось по залу.

— *И что предлагает мой верный... пёс?* — спросил он, растягивая последнее слово, губы искривились в чём-то, отдалённо напоминающем улыбку.

Паук не моргнул.

— *Псов кормят мясом, государь.*

Тишина. Где-то вдалеке капала вода — медленно, как слёзы.

Скорпион замер, потом начал медленно обходить Паука,

будто оценивая добычу.

— *А если... эти змеи укусят тебя первыми?* — прошептал он, и в шёпоте этом слышалось нечто, похожее на **надежду**.

Паук оскалился — больше похоже на гримасу. — *Я ведь... ядовит, мой царь.*

Их взгляды скрестились, и впервые за весь разговор Паук не опустил глаз.

Скорпион внезапно рассмеялся — хрипло, безрадостно.
— *Пусть этот город красным станет...* — голос его сорвался. — *Чтобы поооомили.*

Паук кинул короткий кивок и уже направился к выходу, но на пороге обернулся.

— *А детей... тоже кормить псам?*

Скорпион застыл. На миг в его глазах мелькнуло что-то человеческое — но лишь на миг.

— *Особенно детей,* — ответил он, не оборачиваясь. — *Чтобы... не выросли.*

Голос его дрогнул на последнем слове.

Паук задержал взгляд на спине царя — впервые с непрочитаемым выражением. Затем растворился в темноте, оставив за собой лишь кровавые следы на камнях — он пришёл сюда прямо из застенка.

А в тронном зале остался лишь запах — **дыма, крови и чего-то сладковатого**, как тление.

В мертвенном свете луны, пробивавшемся сквозь мутные слюдяные окна, Скорпион подошел к **зеркалу**.

Серебряная оправка с извивающимися змеями, чьи рубиновые глаза сверкали в полумраке, казалась живой. Его бледные пальцы медленно скользили по резному набалдашнику посоха — там, где древесина была чуть шероховатой от **трещины**.

— *Покажи мне правду...* - прошептал он, и голос его звучал сухо, как шелест осенней листвы **под сапогами палача**.

Зеркальная поверхность заволочлась туманом, в котором проступили очертания новоградских улиц. Женщина, прижимающая к груди ребенка, старик, осеняющий себя крестом - и черные тени опричников, уже входящих в городские ворота.

— *Не это!* - вскричал Скорпион, впиваясь пальцами в зеркальную оправку, оставляя **кровавые следы на серебре**. - *Покажи, что будет!*

Отражение дрогнуло.

Теперь в нем лежали трупы.

Ребенок лицом в кровавой луже.

И в центре - его сын, Орлёнок, с разmozженным черепом, но глаза... глаза все еще смотрели. **Смотрели с немym укором.**

— *Лжешь!* - взревел Скорпион, и его кулак обрушился на зеркало.

Треснувшее стекло брызнуло каплями ртути, смешиваясь с кровью на его костяшках.

И вдруг - тихий плач за спиной.

Голос Голубки:

– *Скорпион... остановись...*

Шепот разливался по покоям, будто исходил отовсюду - из темных углов, складок драпировок, самых глубин его израненной души.

В зеркале Орлёнок пошевелил окровавленными губами:

– *Отец... зачем...*

А за спиной сына возникла другая фигура - Он сам, но страшный: **скелет в царских одеждах с пустыми глазами**, сжимающий тот же посох.

В дверном проеме замер Паук. Его обычно холодные глаза расширились от ужаса. Он видел, как **царь сражается** с невидимым врагом, как седина расползается по его бороде, будто время ускорило бег.

Но войти не посмел. Лишь перекрестился украдкой - впервые за долгие годы - и отступил в тень, оставив Скорпиона **наедине с его демонами**.

А зеркало теперь отражало лишь старика с безумными глазами, в чьих чертах не осталось ничего царственного - только страх и понимание.

Понимание того, что приговор произнесен.

И палачом будет он сам.

— *Ты спрашиваешь, зачем? Ты смеешь спрашивать, зачем?!*

Резко встаёт, шагает к окну, за которым спит город, который он собрал **из крови и воли**.

— Русь — не купеческая лавка, не вечевая площадь, где каждый орет своё! **Русь — это крепость**, которую ломают со всех сторон: и лях, и швед, и басурман! А внутри — князья да бояре, что норовят клочок земли себе отгрызть, как псы над падалью!

Поворачивается, глаза горят.

— Новый Град? Да, я пойду на Новый Град. Но не по своей воле — по нужде! Не я выбрал железо и плаху — **время выбрало их за меня!** Тысячу лет назад Карл Великий мечом сковал свою империю — и разве проклинали его за это? Нет! Благодарят, что не дал ей рассыпаться в прах!

Бьёт посохом в пол:

— Вече? Вольность? Ха! Вольность — это когда немецкие купцы правят, а посадники шепчутся с Литвой? Когда каждый рубль в их сундуках — гвоздь в гроб Руси? Нет, братия моя, нет у меня выбора! **Либо я сожгу эту крамолу в корне — либо завтра она пожрёт нас всех!** — Голос дрожит, но не от страха — от ярости.

— Они говорят: «Царь-де тиран, царь-де палач». А я спрошу: что хуже — **казнить изменников или дать им разорвать Отечество** ? Я не Новый Град вырежу — **я вырежу распад** ! Чтоб не было ни Нового Града, ни Пскова, ни Твери — а была **Единая Русь** !

Переходит на шепот, почти молитвенно.

— Да, кровь прольется. Но разве кровь — не вода, что орошает древо государства? **Или вы думаете, величие даёт-**

ся без жертв ?..

Внезапно замолкает, смотрит на ладони, будто видит на них отблеск пожаров.

— *Пусть судит меня Бог. Но если я не сделаю этого – не будет ни царства, ни нас, **ни великой державы** . А будет лишь **горстка уделов** , растерзанных врагами... И тогда все вы проклинать будете меня – за слабость.*

Отворачивается, тоном, не терпящим возражений.

– *Молитесь за мои грехи. Но знайте: **лучше грешный царь, чем святой бессилец, похоронивший Русь** .*

Удар!

Трещина на зеркале расходилась, как молния, застывшая в стекле. Кровь с окровавленных костяшек Скорпиона медленно стекала по серебряной оправе, попадая в пасти выгравированных змей – те словно пили её, оживая на мгновение.

Он тяжело дышал, глядя на отражение своего сына – мёртвого, но всё ещё смотрящего на него.

И тогда – **движение**.

В углу зеркала, там, где трещина расходилась особенно причудливо, проступила **тень Жнеца**.

Он стоял в фуражке, с **трубкой** в тонких пальцах, окутанный дымом. Его черты были размыты, но губы – тонкие, почти бескровные – **шевелились**:

«Ты сделал правильный выбор...»

Голоса не было. Лишь **шёпот в самой крови** Скорпиона, будто эти слова всегда были внутри него.

За спиной «Жнеца» виднелись **другие силуэты** — люди в чём-то, похожем на униформу, с **винтовками**. Они вели **толпу** — измождённых, согнутых, с пустыми глазами.

И вдруг — **совпадение**.

Его слуги в новоградских улицах и **эти люди** — их движения были **одинаковы**. Тот же метод. Тот же холод.

Скорпион **отшатнулся**.

— *Кто...* э... — прохрипел он, но зеркало **уже темнело**.

Последним, что он увидел, было **своё собственное лицо** — но не в настоящем, а в том, что ждало его **далеко в будущем**.

Он — старик, в гробу. А над ним склоняется Жнец.

И тогда — **стук в дверь**. Реальный. Громкий.

— *Государь?* — голос Паука.

Тяжелый воздух опочивальни внезапно сдвинулся — дверь приоткрылась без стука. В проеме, сливаясь с тенями, стоял **Паук**. Его взгляд, обычно острый как клинок, теперь был **опущен к полу** — не из почтения, а словно он **не смел видеть** то, что натворил его государь.

Скорпион **не спрашивал. Паук не докладывал.**

Молчание между ними **гудело**, как натянутая тетива.

Приказ уже был отдан.

Не пером на бумаге, не словами в ночи — **кровью на зеркале, трещиной на посохе, тенью сына**, что навсегда останется в этих стенах.

И тогда взгляд Скорпиона упал на **смятый лист** у ног.

«Прости...»

Но слово это было **яростно зачеркнуто**, так что бумага порвалась. Рядом — **перо**, воткнутое в пол, будто **кинжал в тело поверженного врага**.

Паук **шагнул назад**, давая пройти.

Скорпион переступил через письмо, **оставив кровавый след** на нем — случайно или намеренно?

А за окном **начался дождь**.

Словно сама Русь **заплакала**.

Тяжёлые капли дождя стучат по слюдяным окнам царских палат, будто пытаются пробиться внутрь, смыть грехи, растворить кровь в воде. Но кровь не смывается.

Она впитывается в землю, в камни, в самую память Руси.

И через века прорастает снова — уже в другом Кремле, под другим небом, но с той же неумолимостью.

Часть 3. Урожай

Опять дождь. Мелкая изморось окутывает всё вокруг. Будто Русь всё ещё плачет.

Тяжёлые, серые капли, словно слёзы времени, стекают по стёклам — то ли XVI век, то ли XX-й. Ветер воет в печных трубах царских палат, а где-то выше, в кремлёвских коридорах, скрипят сапоги чекистов. Два разных века, но один и тот же хриплый шёпот истории: **«Иначе нельзя. Иначе — конец.»**

Кремлёвский кабинет тонул в сизой дымовой завесе — едкий аромат махорки смешивался с горьковатым запахом пороха, будто кто-то недавно чистил оружие. Чернильница, прикрытая массивной бронзовой крышкой, источала терпкий дух химических чернил, а кожаные портфели НКВД, разложенные на столе, пахли кожей и чем-то металлическим — потом, страхом, кровью, вьёвшейся в материал за годы допросов.

Единственным источником света была настольная лампа под зелёным абажуром. Её тусклый свет выхватывал из полумрака острые углы мебели, превращая их в подобие гильотинных лезвий. Тени на стенах шевелились при каждом движении, принимая зловещие очертания — то ли это игра света, то ли призраки уже начали собираться.

Тишину нарушало лишь **тиканье курантов** — размерен-

ное, как шаги палача, ведущего приговорённого к месту казни. Где-то в коридоре раздавались **шаги** – тяжёлые, мерные. То ли это дежурный офицер, то ли **кто-то другой** – ведь в этом кабинете стены помнили слишком многое.

Воздух был **густым**, словно пропитанным свинцовой тяжестью принятых решений. Давление за окнами – низкое, предгрозовое. Казалось, даже **сам Кремль затаил дыхание** в ожидании нового приказа.

Массивный дубовый стол, потемневший от времени и табачного дыма, стоял как **неприступная крепость** в центре кабинета. На его полированной поверхности лежала раскрытая папка – листы, испещренные фамилиями, каждая помеченная жирным красным карандашом. Эти **кровавые пометки пульсировали** на бумаге, будто свежие раны, а в углу последнего листа клякса растекалась, напоминая очертания Сибири – конечного пункта для большинства перечисленных имен.

Рядом с папкой лежал маузер. Стальной ствол еще хранил тепло **недавнего выстрела**, а запах сгоревшего пороха смешивался с ароматом отполированной деревянной рукояти. На барабане отчетливо виднелась одна пустая камера – пять использованных патронов из шести. Шестая пуля так и осталась загадкой...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.